ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ Г. КАРГОПОЛѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-ГО.

26 іюля и 3 августа 1819 г. *).

Государю императору Александру I угодно было, обозрѣвая обширную свою имперію, посѣтить и Архангельскъ. Проѣзжая туда и обратно, Государь два раза былъ въ Каргополѣ 26 іюля 1819 года, на пути слѣдованія своего въ Архангельскъ и 3 августа обратно оттуда. Вотъ разсказъ о пребываніи Государя въ Каргополѣ, вдовы каргопольскаго купца Евдокіи Дмитріевны Вишняковой:

Какъ скоро извѣстно стало о проѣздѣ чрезъ Каргополь на Архангельскъ государя, вездѣ стали производиться поправки и улучшенія дорогъ и зданій, особенно видныхъ съ пути слѣдованія государя; гдѣ назначены были остановки и ночлеги, вездѣ приготовлялись квартиры. Въ Каргополѣ были, на случай, приготовлены двѣ квартиры, изъ которыхъ одна въ домѣ тогдашняго градскаго головы, но государю неизвѣстно почему угодно было остановиться въ нашемъ домѣ.

Около 2 часовъ по полудни, 26 іюля 1819 г., государь прибылъ въ Каргополь и прямо подъѣхалъ къ собору, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ города. Что происходило въ соборѣ я не знаю, намъ тогда было не до того; мы бѣгали, хлопотали и приготовлялись какъ встрѣтить, да и послѣ не удалось разузнать, а можетъ и спрашивала, но теперь позабыла и не помню.

Изъ собора, государь пѣшкомъ прошелъ до нашего дома (разстояніе до 100 саженъ); народу такъ было много, что отъ собора и до самаго крыльца образовались двѣ живыя стѣны, между которыми и проходилъ государь съ министромъ двора, княземъ П. М. Волконскимъ. Народъ со всѣхъ сторонъ восторженно привѣтствовалъ его оглушительнымъ «ура». День былъ теплый и прекрасный.

Алексѣй Андреевичъ, купецъ, деверь мой, хозяинъ дома, встрѣтилъ государя въ воротахъ, а я и Пелагея Андреевна (сестра Алексѣя Андреевича), моя золовка, стояли на нижней площадкѣ крыльца. Семейство наше хотя и было тогда большое, но всѣ жили въ разныхъ мѣстахъ, а жена Алексѣя Андреевича была въ Вытегрѣ, на родинѣ, откуда взята. Государь, проходя мимо насъ, сдѣлалъ подъ козырекъ, но шелъ, не останавливаясь, очень скоро; Алексѣй Андреевичъ поддерживалъ его подъ руку.

Поднявшись во второй этажъ, государь вошелъ въ назначенные ему покои; проходя по нимъ, запиралъ за собою всѣ двери; такимъ образомъ, дошелъ до спальни, въ которую также заперъ двери. Спустя нѣсколько времени, онъ вышелъ изъ спальни въ зало и началъ говорить съ Алексѣемъ Андреевичемъ, спрашивая: каково каргопольское общество, велико-ли оно, много-ли у общества имѣется капиталовъ и какаго рода главная промышленность жителей? Алексѣй Андреевичъ смутился, и только отвѣчалъ на каждый вопросъ государя, что и какъ тогда было. Про промышленность и торговлю Каргополя сказалъ, что купцы здѣшніе занимаются поставкою льна въ С.-Петербургъ для англійской компаніи; ѣздятъ къ Макарью на ярмарку и въ Ирбитъ, гдѣ заготовляютъ разный пушной товаръ, который потомъ и отвозятъ въ С.-Петербургъ, а бѣлка остается въ Каргополѣ, обдѣлывается жителями въ мѣха, которые и отвозятъ потомъ въ Петербургъ или-же къ Макарью. Разговаривая съ государемъ, Алексѣй Андреевичъ былъ весьма блѣденъ и голосъ его дрожалъ. Во время этого разговора вошелъ городской голова и поднесъ государю хлѣбъ-соль отъ города. Государь ласково принялъ хлѣбъ-соль, благодарилъ и началъ распрашивать голову про общество и городъ, почти тоже самое, что и у Алексѣя Андреевича. По уходѣ головы, государь, обратившись къ Алексѣю Андреевичу, спросилъ: — «Вѣрно вы хозяинъ этого дома?» — Точно такъ, Ваше Императорское Величество, — отвѣчалъ Алексѣй Андреевичъ—я хозяинъ дома.—«А если вы хозяинъ дома,—сказалъ опять государь,—такъ мнѣ надобно познакомиться съ вами» и поцѣловалъ Алексѣя Андреевича. Какъ-бы отъ прикосновенія электричества, блѣдность мгновенно исчезла съ лица Алексѣя Андреевича и по немъ разлился яркій румянецъ.

Во все время разговора, я и золовка моя стояли позади разговаривающихъ, тутъ-же въ залѣ. Поцѣловавъ Алексѣя Андреевича, государь обратился къ намъ и, указывая на насъ Алексѣю Андреевичу ру-

*) Въ № 61 «Олонецкихъ губ. вѣд.» за 1873 г. былъ напечатанъ разсказъ о пребываніи въ Каргополѣ, въ 1819 г., императора Александра I, записанный преподавателемъ каргопольскаго женскаго епархіальнаго училища В. В. Неменскимъ со словъ почтенной восьмидесятшестилѣтней каргопольской старожилки Е. Д. Вишняковой. Въ настоящее время г. Неменскій прислалъ намъ, черезъ посредство П. Е. Горбунова, этотъ разсказъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, съ просьбой напечатать его въ сборникѣ «Древняя и Новая Россія, что мы и исполняемъ съ удовольствіемъ.

кою, какъ-бы спрашивалъ: кто мы? Показавъ на меня, Алексѣй Андреевичъ сказалъ:—«это жена брата моего и невѣстка моя, а это,—показывая на Пелагею Андреевну,—сестра моя». Государь, подошедши къ намъ, поцѣловалъ у обѣнхъ насъ руки и прошелъ далѣе, мимо насъ, по компатамъ; что сталось тогда съ нами, мы не могли понять, такъ велика и неожиданна была честь, оказанная намъ государемъ. Прошедши по всѣмъ комнатамъ, государь возвратился обратно въ свою спальню. Чрезъ немного времени, по уходѣ государя изъ зала, вошелъ камердинеръ и сказалъ: «Государю угодно теперь ѣхать въ мужской монастырь, приготовьте экипажъ и лошадей». Алексѣй Андреевичъ отвѣчалъ, что «лошади и экипажи готовы, но на чемъ государю угодно ѣхать, въ коляскѣ-ли на парѣ лошадей, или на дрожкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь»? камердинеръ пошелъ спросить государя и, возвратившись, сказалъ: «Государь велѣлъ подать ординарца». Вслѣдъ затѣмъ вышелъ и государь совсѣмъ готовый ѣхать, сошелъ съ крыльца и сѣлъ на поданныя ему дрожки. Дрожки имѣли тогда такое устройство, что сидѣвшій на нихъ долженъ былъ положить одну ногу на одну сторону дрожекъ, а другую—по другую сторону ихъ. У насъ были тогда только что выписаны новыя дрожки, за 800 руб. ассигн.

Не забуду я при этомъ случаѣ, который теперь не кажется особеннымъ, но тогда произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ: съ самаго пріѣзда государя, народъ сплошною массою наполнялъ весь дворъ, улицу, окна, крыши сосѣднихъ домовъ. Какъ только государь сѣлъ въ дрожки и кучеръ пошевелилъ возжами, лошадь вдругъ начала подниматься на дыбы. Народъ, стоявшій по ту и другую сторону, отхлынулъ назадъ, думая, что лошадь бросится въ сторону; но она сама собою тихо опустилась на ноги и потомъ пошла, какъ и слѣдуетъ быть. Народъ, въ одинъ голосъ заговорилъ: «и лошадь-то будто разумѣетъ, что батюшку царя повозитъ».

Проѣзжая мимо валушекъ, государь обратилъ свое вниманіе на находящуюся на валахъ пушку и спросилъ: что это за пушка. Нѣкоторые изъ ожидавшихъ здѣсь проѣзда удостоились счастія неожиданно объяснять царю и сказали: пушка эта осталась должно быть послѣ 1612 г., когда непріятели Россіи, бывшіе подъ Москвою разсѣялись по разнымъ областямъ, то нѣкоторые подходили и къ Каргополю; но мужественно были отбиты каргопольцами, выдержавшими и продолжительную осаду.

Подъѣхавъ къ монастырскому наплывному мосту чрезъ р. Онегу, соединяющему городъ съ монастыремъ, на протяженіи 150 саж., государь сошелъ съ дрожекъ и, сбросивъ на нихъ свою шинель, пошелъ по мосту пѣшкомъ. Бѣжавшій за царскими дрожками старшина одной изъ подгородныхъ волостей, Пайковъ, взялъ съ дрожекъ шинель и пошелъ вслѣдъ за государемъ. Замѣтивъ его, императоръ спросилъ: «кто вы»? Пайковъ отвѣтилъ: «старшина сельскій, поставляю, вмѣстѣ съ каргопольскими купцами, всякій вообще провіантъ на депо (подъ словомъ, «депо» разсказщица разумѣетъ войска, временно стоявшія въ то время, близъ города въ лагерѣ, а зимою въ окрестностяхъ города, въ составѣ 3,000 человѣкъ). «Всегда-ли хорошій провіантъ представляете?»—снова спросилъ государь. «Всегда хорошій, ваше величество»,—отвѣчалъ Пайковъ. «Ну, а какую награду за то получили»? опять спросилъ императоръ. «Награды никакой не получали,—отвѣчалъ Пайковъ,—а была объявлена всѣмъ купцамъ отъ начальства благодарность и мнѣ вмѣстѣ съ ними». «Поди-же на мою квартиру,—заключилъ государь, и скажи записать, по моему приказанію, свое имя и фамилію». Пайковъ исполнилъ и въ томъ-же году ему была прислана царская награда: суконный кафтанъ съ золотыми часами, кистями и позументами.

Сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа, при звонѣ колоколовъ всѣхъ градскихъ и монастырскихъ церквей, государь прошелъ монастырскій мостъ и на другомъ берегу рѣки встрѣченъ былъ, съ крестнымъ ходомъ, братіею монастыря; настоятеля тогда не было, а за него выходилъ, какъ старшій въ монастырѣ, живщій тамъ схимникъ; отошедши нѣсколько отъ братіи, съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, онъ, при приближеніи государя, сталъ на колѣни и хотѣлъ было поклониться до земли, но государь не далъ ему исполнить этого и, поднимая, сказалъ: «Грѣшишь отецъ, не тебѣ, а мнѣ предъ тобою съ крестомъ и евангеліемъ кланяться должно»! Перекрестившись, государь поцѣловалъ крестъ и евангеліе и выразилъ желаніе, чтобы его проводили въ церковь.

Проходя по наплавному мосту, государь замѣтилъ половину прилегающую къ берегу монастыря ветхою и огрузлою, и спросилъ: «кто владѣетъ мостомъ»? и получивъ въ отвѣтъ, что мостъ этотъ монастырскій, имѣлъ разговоръ о правахъ монастыря съ предстоявшимъ за настоятеля, который имѣлъ счастіе докладывать, что на устройство новаго моста приготовляется уже лѣсъ, но за неимѣніемъ средствъ, нѣтъ возможности приступить къ перестройкѣ. Государь изъявилъ сонзволеніе о милостивомъ пособіи въ этой нуждѣ монастырю. Осмотрѣвши церковь и весь монастырь, государь возвратился въ городъ.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1820 г. монастырю присланы были пожалованныя императоромъ 500 руб., чтобы выстроить мостъ.

Какъ только государь уѣхалъ въ монастырь, — я пошла въ нижній этажъ, гдѣ занималъ комнаты князь Волконскій, и, вошедши къ нему, спросила: «Чѣмъ просить государя, когда онъ возвратится изъ монастыря»? князь отвѣчалъ: «Государь любитъ зеленый чай и вы теперь приготовьте ему чаю и оршаду». Пріѣхавши изъ монастыря, государь не пошелъ въ покои, а подойдя къ намъ, вышедшимъ его встрѣчать, и, сдѣлавъ подъ козырекъ, сказалъ: «На обратномъ пути изъ Архангельска, я надѣюсь быть у васъ опять на квартирѣ и надѣюсь имѣть удовольствіе видѣться съ вами тогда еще, а теперь

прощайте»! Но какъ царскіе его и свиты его экипажи стояли уже на улицѣ предъ нашимъ домомъ, совсѣмъ готовыми въ дорогу, то государь, простившись съ нами, пошелъ къ нимъ пѣшкомъ. Въ воротахъ стояла одна купчиха въ богатомъ русскомъ нарядѣ того времени; проходя мимо ея, государь обратилъ свое вниманіе на ея нарядъ, пристально осмотрѣлъ его и, взявъ своими руками за обѣ ея косицы, бережно повернулъ ея голову въ одну, а потомъ въ другую сторону, и спросилъ: «это жемчугъ у тебя»?—«жемчугъ, ваше царское величество, жемчужный кокошникъ весь», отвѣтила купчиха.

Затѣмъ, государь сѣлъ въ экипажъ и отбылъ изъ Каргополя, направляясь въ Архангельскъ. На пути слѣдованія его въ Архангельскъ и обратно, въ селахъ и деревняхъ, женщины и дѣвицы подносили ему ягоды, за что получали нерѣдко деньги и всегда имѣли счастіе слышать отъ самаго его величества царское спасибо.

II.

3 августа, около 7 часовъ вечера, государь возвратился въ Каргополь и прямо подъѣхалъ къ нашему дому. Алексѣй Андреевичъ и мы стояли на площадкѣ парадной лѣстницы. Проходя мимо насъ, государь спросилъ: «здоровы-ли вы»? и, получивъ утвердительный отвѣтъ, также скоро, какъ и въ первый разъ, прошелъ въ свои покои.

Алексѣй Андреевичъ пошелъ въ нижній этажъ съ княземъ Волконскимъ и былъ тамъ довольно долго, а я и Пелагея Андреевна пошли вверхъ. Немного времени спустя, вышелъ въ зало и государь и, поцѣловавъ у обѣихъ насъ руки, началъ разсказывать, что онъ остался весьма доволенъ и поѣздкою въ Архангельскъ и природою архангельскою и самымъ народомъ. «Въ Петербургѣ у насъ, — сказалъ государь,—весьма теперь жарко и душно, такъ что многія растенія увядаютъ, а въ Архангельскѣ, что за пріятная свѣжесть; что за здоровый воздухъ»!— Потомъ, государь началъ разспрашивать насъ о нашемъ семействѣ и мы отвѣчали на его разспросы, причемъ онъ неоднократно говорилъ намъ: «говорите громче»! Говорилъ онъ съ нами долго и много и затѣмъ снова ушелъ въ свои покои.

Часа чрезъ полтора вышелъ адъютантъ и сказалъ, что государю угодно пить съ хозяевами чай. Надобно замѣтить, что у насъ былъ прежде серебряный самоваръ, но мы его отдали въ приданное за Татьяной Андреевной, вышедшей за купца Урываева, а потому и хотѣли послать за нимъ, но адъютантъ сказалъ: «это излишне; государь сказалъ, что хочетъ кушать съ вами чай, по домашнему, какъ у васъ обыкновенно водится».

Только лишь поданъ былъ самоваръ, пришелъ и государь кушать чай (и опять поцѣловалъ у насъ руки). Чайный столъ приготовленъ былъ у окна, къ которому, кто могъ, подмостился, чтобы лучше было видно государя и тутъ только повѣрили, что государь цѣловалъ у насъ руки, когда сами увидѣли. Мы просили его садиться, но государь показалъ мѣсто сперва Пелагеѣ Андреевнѣ для наливанія чая, а мнѣ противъ нея; самъ-же сѣлъ по срединѣ и спросилъ: «а гдѣ хозяинъ»? Мы отвѣчали: «въ низахъ, у князя Волконскаго». Почти въ тоже время, какъ мы о немъ говорили, пришелъ и Алексѣй Андреевичъ и государь показалъ ему мѣсто рядомъ съ собою и, во все время, пока пили чай, выспрашивалъ у него съ большими подробностями о климатѣ, произведеніяхъ природы и о поѣздкахъ на ярмарки.

Напившись чаю, государь поблагодарилъ за угощеніе, поцѣловалъ у насъ руки и, пожелавъ намъ спокойной ночи, пошелъ въ спальню. У насъ была приготовлена и собрана на столъ закуска, но государь, отпробовавъ нѣсколько, велѣлъ подать изъ своего запаса кушанье англійскаго приготовленія.

Поутру, лишь только государь всталъ отъ сна, пришелъ къ князю Волконскому купецъ Копосовъ и просилъ передать государю желаніе Копосова, чтобы государь пожаловалъ на освященіе устроеннаго имъ Засимо-Савватіевскаго храма, имѣющее быть сего 4-го августа. Когда Волконскій передалъ государю желаніе Коносова; государь отвѣчалъ Волконскому:

«Передайте отъ меня благодарность Копосову. Я очень-бы радъ его просьбу исполнить, но не могу измѣнить маршрута. Освященіе храма пройдетъ, быть можетъ, до 2-хъ часовъ, а мнѣ къ этому времени далеко уже должно быть».

Была приготовлена у насъ утренняя закуска, но государь сказалъ:

«Я не могу теперь кушать ничего, благодарю»!

Вслѣдъ за симъ онъ прислалъ чрезъ адъютанта своего намъ подарки: Алексѣю Андреевичу перстень, а мнѣ и Пелагеѣ Андреевнѣ по фермуару (ожерелью). Экипажи были уже поданы, и государь вышелъ въ зало, готовый въ путь. Мы поблагодарили его за подарки и онъ, какъ-бы въ отвѣтъ на это, сказалъ прощальное привѣтствіе:

«Прошу меня любить и помнить, а я очень радъ, что съ вами познакомился». Потомъ, поцѣловавъ у меня и Пелагеи Андреевны руки, поклонился всѣмъ намъ и отправился въ путь.

Выѣзжая за городъ, государь пожелалъ еще разъ взглянуть на Каргополь и, увидавши женскій монастырь, приказалъ ѣхать туда; былъ тамъ очень недолго, потому что его тамъ не ожидали и всѣ были въ сильномъ разстройствѣ, вслѣдствіе пожара, бывшаго не задолго предъ тѣмъ; такъ что говорятъ и сама настоятельница игуменія Павла явилась предъ нимъ не въ монашеской одеждѣ: такъ сильно растерялись всѣ, завидѣвъ нечаяный царскій пріѣздъ.

Къ этому разсказу Е. Д. Вишнякова дополнила впослѣдствіи еще слѣдующія подробности: 1) какъ государь разговарпвалъ съ Алексѣемъ Андреевичемъ, то обратилъ вниманіе на картины, произведенія Рубенса (въ копіяхъ) и сказалъ:

«Вижу, что у васъ есть вкусъ въ картинахъ; подлинныя у меня имѣются только въ Эрмитажѣ и въ Академіи художествъ. Я очень люблю эти картины».

2) Когда во второе посѣщеніе государь разговаривалъ съ хозяйками, то сказалъ:

«Я не думалъ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ встрѣтить такую природу и такихъ людей. Мнѣ сказали прежде, что природа здѣсь весьма скудна и люди грубы и необразованны, но я замѣтилъ, почти противное: воздухъ здоровъ, природа вполнѣ кажется вознаграждаетъ человѣка, а что касается жителей, то они развитіемъ своимъ нисколько не уступаютъ и прочимъ мѣстностямъ имперіи. Однимъ словомъ, въѣхавъ въ Олонецкую губернію, я увидѣлъ совсѣмъ другое, что у насъ теперь въ Петербургѣ или вѣрнѣе, что сказали мнѣ про Олонецкую губернію».

В. Немеискій.